

«Дон Мигель де Сервантес! Вы обвиняетесь в том, что вы идеалист, поэт и честный человек. Признаете ли вы себя виновным?».

«Да. Признаю».

... История театра знает высокую трагедию и высокую комедию. «Человека из Ламанчи» М. Ли можно смело назвать высоким мюзиклом. О чем он? О Человеке, о праве на Мечту, о том, как истинная чистота и благородство души преобразует мир вокруг себя. О двух людях, неразрывно соединенных в одном, — поэте Сервантесе и его герое Доне Кихоте.

... Драматург, актер и... сборщик податей дон Мигель де Сервантес бесстрашно вступил в борьбу с могуществом церкви. Арестованный, он брошен в подземелье одной из тюрем, где подобно ему ожидают суда инквизиции люди разных сословий и разной вины, ожесточившиеся, потерявшие веру в справедливость и добро, готовые растерзать и унижить любого, кто слабее их. Что значит суд инквизиции перед их не менее жестоким и беспощадным судом!

«Дон Мигель де Сервантес! Вы обвиняетесь в том, что вы идеалист, поэт и честный человек!». И Сервантес начинает свою защитительную речь, защищая не только свою последнюю, еще не оконченную рукопись, но и собственное мировосприятие, собственные идеалы, цель и смысл собственной жизни. Он играет им историю Рыцаря Печального Образа.

Драматургия пьесы резко ограничивает место действия — это все та же тюремная камера, становящаяся по фантазии Сервантеса то полем с ветряной мельницей, то таверной, то исповедальной, то скромным домом Алонсо Кихана. А зрители спектакля в спектакле — арестанты — превращаются в участников событий «Дон Кихота».

Драматургия пьесы предопределила и образное решение спектакля — тяжелая тюремная решетка ограждает сцену от зрительного зала. И лишь когда в действие вступает Дон Кихот,

«ЭТО Я»

сов. Эстония

решетка поднимается — Сервантес — Дон Кихот апеллирует не только к своим судьям, но и ко всем людям...

Нередко можно услышать споры о том, на какие театры рассчитан мюзикл — драматические или музыкальные? Что важнее в нем — пьеса или музыка? Ответ может быть только один — и пьеса, и музыка. И спектакль театра «Эстония» еще раз доказывает это. Спектакль театра очень музыкален, но музыкальные номера и драматические сцены сплетены так органично, что ни на секунду не прерывается общая динамика действия (режиссер — С. Ныммик).

Роль крупного плана в спектакле играет свет — уходит в темноту все лишнее, оставляя в ярком круге света главных героев, основную драматическую ситуацию, главную мысль. И лишь в одной сцене свет изменяет своей укрупняющей статичности и начинает лихорадочно метаться по залу — нет спасения Альфонсе от поругания, нет защитника, нет героя...

Наверное, как ни одно другое музыкально-сценическое произведение, мюзикл требует актеров синтетического плана, равно владеющих драматическим и вокальным искусством. И самая большая удача театра «Эстония» в том, что этот коллектив располагает именно такими исполнителями.

С первого же появления на сцене Георг Отс — Сервантес приковывает к себе внимание зала — появился Человек, человек воли, мысли, человек большой, щедрой души. И залог его будущей моральной победы есть уже в самом начале — это вера в силу и свободу человеческого духа, которую он несет людям и за которую будет бороться его Дон

Кихот. Преображение происходит на глазах зрителей — немногo грима — и вот уже перед нами Дон Кихот, трогательный в своей беззаветной увлеченности, сильный в своей слабости, беззащитный и готовый защищать. Тепло, мягко, как-то удивительно просветленно ведет свою трудную роль Г. Отс. И рождается сочувствие, рождается понимание... Дон Кихоту Г. Отса есть что сказать людям. Высокий гуманизм этого образа становится тем камертоном, согласно которому начинает звучать весь спектакль.

Неразлучен с Дон Кихотом Санчо Панса, как неразлучен с Сервантесом его верный слуга. Да полно, Санчо ли он? Или это второй Дон Кихот, двойник, преобразенный призмой пародного юмора? Правда, он не примет таверну за рыцарский замок, но идеалы Дон Кихота стали его идеалами. «Люблю его... он мой

жизни и свькшуюся с ними, Дон Кихот нарекает Дульсинеей. Он единственный увидел в ней Женщину, способную дарить Любовь, Мечту, Преклонение... И Хельги Салло раскрывает нам, как Альдонса трудно, мучительно, пройдя через грязь и жестокость, становится Дульсинеей. Происходит становление, самоутверждение человеческой души, осознание свое великое право и долг — быть Человеком.

Противники Дон Кихота тоже вступают в бой. Бросает обвинение в идеализме Сервантесу Герцог (А. Лайд), обрисованный лишь несколькими точными, острыми по рисунку штрихами. Бросает обвинение Дон Кихоту в ненормальности доктор Карраско и Антония. Они носители приземленного, «правильного», узаконенного. Но насколько они оказываются мельче, ниже Дон Кихота и его маленького лагеря. И в этом противопоставлении ре-

ющей нотой всему спектаклю. Это странствующий цирюльник в исполнении Х. Мальмстена. Обидно не только то, что безнадежно пропадает один из выигранных музыкальных номеров мюзикла, но и то, что в спектакле, который не терпит нажима и нарочитого комикования (а в данном случае просто пенужного), появляется актер (и образ!) с плохими традициями старых опереточных комиков. Недопустимо, безусловно, и цитирование россиниевской каватини Фигаро.

И в связи с этим — о смехе в «Человеке из Ламанчи». Не надо стараться во что бы то ни стало смешить зрителя (это относится не только к Х. Мальмстену, но, к сожалению, и ко второму исполнителю Дон Кихота — В. Куслану). Комическая ситуация вызывает улыбку и без излишнего комикования. А кроме того, в этом спектакле неизменно рядом с комическим бытует возвышенное. Кстати, именно это сочетание комического и возвышенного превосходно чувствуют и доносят до зрителя Г. Отс и Э. Пярн.

... Рыцарь зеркал вернул Антонию дядю Алонсо Кихана. Казалось бы, действительность разбила иллюзии донкихотства. Но такая развязка — поражение Сервантеса — не устраивает зрителей спектакля в спектакле. И поэт, импровизируя, продолжает историю о Дон Кихоте. Счастлива Антония, ставшая, наконец, законной наследницей умирающего дяди. Доволен Карраско — разум реальности победил «пустые мечты». Но мир опустел без Дон Кихота. Приходит к другу верный Санчо. Приходит Альдонса. Нет, уже не Альдонса, а Дульсиней. Теперь уже она пробуждает в больном Алонсо Дон Кихота, пробуждает Мечту, без которой немыслима ее жизнь. Теперь их трое, трое Дон Кихотов, идущих на бой и на подвиг... Дон Кихот умирает. «Дон Кихот жив!» — рвется ввысь голос Альдонсы. Спектакль в спектакле окончен. Сервантеса ждет суд инквизиции. Но мы верим в силы этого человека, уже одержавшего одну из труднейших побед — пробудившего людей в людях. Уходит вверх по лестнице Сервантес, человек из Ламанчи. И уже не Альдонса, а безымянная женщина начинает балладу о Мечте. Опущена тяжелая решетка, но, не зная преграды, летит в зал — в мир! — призыв Дон Кихота: «Стремиться к далекой звезде!».

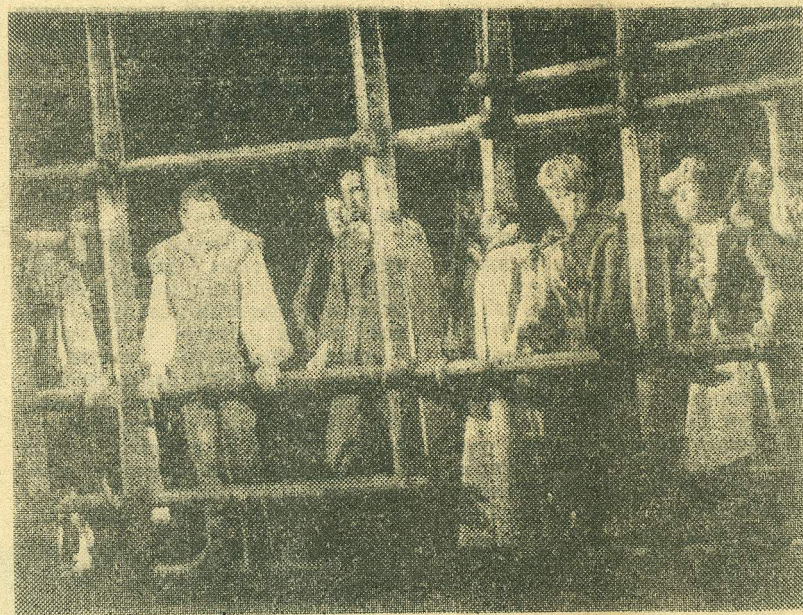
М. КЕРШАКОВА.

На снимках: вверху — сцена из мюзикла «Человек из Ламанчи» — Г. Отс — Дон Кихот, Х. Салло — Альдонса; внизу — пролог второго действия мюзикла, в центре Г. Отс в роли Сервантеса.

Фото Г. Вайдла.

— ДОН КИХОТ! —»

мюзикл м. 56, 7. III 1971. г.

хозяйин, он мой друг!» — отвечает Санчо Альдонсе. Друг — именно на это слово падает смысловое ударение, друг, с которым делятся и радость, и горе, и мечты... И Эндель Пярн — Санчо подлинный единомышленник Дон Кихота — Г. Отса. Его Санчо полон доброты, он предельно прост и человечен. И хотя вокальные данные артиста более чем скромны, он проводит свою партию с прекрасным чувством меры и стиля, оставаясь верным той большой задаче, которую несет этот образ.

Как луч света в темноте, ворвалась в судьбу Альдонсы встреча с Дон Кихотом. Это ее, простую служанку в маленькой грязной таверне, ее, так рано познавшую все темные стороны

альности и мечты нравственная победа остается за Дон Кихотом.

Несколько слов об образе доктора Карраско (И. Орав). И по режиссерскому решению и по исполнению этот образ получается несколько аморфным, расплывчатым, не совсем определенным логически. А ведь именно он в облике Рыцаря зеркал дает решительный бой Дон Кихоту. Как Герцог обвиняет Сервантеса, так Карраско становится главным обвинителем Дон Кихота. И хотелось бы более ясного ощущения эмоциональной и философской взаимосвязи этих двух персонажей.

Актерский ансамбль «Человека из Ламанчи» играет очень слаженно, и поэтому особенно досадно, что один из самых, пожалуй, проходных персонажей оказался неприятной диссонансиру-